

Международное и внутригосударственное право

ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА: СУД, ЛИЧНОСТЬ, ОБЩЕСТВЕННОСТЬ

И. И. Лукашук *

Одной из тенденций развития демократического государства является рост роли общественности в функционировании правовой системы. Подключается она и к процессу осуществления судами норм международного права, хотя в этой сфере тенденция проявляется менее ощутимо, чем в сфере внутригосударственных отношений. Несомненно, однако, что проявляется заинтересованность все более широких кругов населения в должном применении норм международного права органами государства.

Неизбежно при этом возникает вопрос о роли судов, поскольку им в любой правовой системе принадлежит важная роль в реализации права. Естественно, в разных правовых системах эта роль не однозначна: она определяется местом, занимаемым судом в системе органов государственной власти, зависит от общей позиции государства в отношении международного права, а также уровня международно-правового сознания общества. В целом отношение государства к международной законности такое же, как и к внутренней. Правда, известны случаи, когда государство придает большое значение законности внутри страны, не сопровождая это должным уважением к международному праву. Весьма показателен в этом отношении пример США. Касаясь этого вопроса, американский профессор Р. Лиллих пишет, что соответствующий подход коренится в самой правовой системе страны. Он обращает внимание на то, что конституционная система признает необходимость внутренней законности политического курса, но не учитывает возможных последствий его международной неправомерности¹. Представляется, что это качество в большей или меньшей степени присуще всем современным правовым системам.

---

* Ведущий научный сотрудник Института государства и права РАН, профессор, доктор юридических наук.

Судам хорошо известна практика обращения к международному праву для оспаривания законности актов иностранного государства. Но только в последнее время суды столкнулись с попытками использовать его для оспаривания правомерности действий собственного государства.

Участились случаи обращения в суд отдельных граждан или их объединений для защиты своих прав в соответствии с международными нормами, которые нарушаются их собственным правительством. В этих целях используются как национальные, так и международные судебные органы. На основе Европейской конвенции о правах человека к 1990 году в Европейском суде по правам человека правительства возбудили семь дел, в то время как индивиды подали 17 тыс. жалоб². Отметим, что уже сам факт обращения во внутренний или международный суд не может не оказывать давления на государство, побуждая его к уважению международного права.

В целях анализа рассматриваемого явления обратимся к судебной практике США, которая наиболее богата в этом отношении. К тому же она подверглась наиболее обстоятельному анализу в правовой литературе³. Знаменательной вехой явился период войны во Вьетнаме. В этот период граждане США, пожалуй, впервые попытались использовать суды для признания международно-противоправными внешнеполитических действий своего правительства. Это нашло свое выражение, например, в делах о признании незаконности призыва на военную службу, в отказе платить налоги, используемые для ведения незаконной войны, и др. В дальнейшем судебные дела касались гонки ядерных вооружений, интервенционистской политики в Центральной Америке, отношений с Южной Африкой и др. В результате довольно остро встала проблема возможности использования частными лицами суда для сопротивления международно-противоправным действиям исполнительной власти.

Можно выделить два вида судебных дел, связанных с нарушением международного права. К первому виду относятся те из них, в которых граждане США оспаривают международную законность тех или иных действий администрации, с тем чтобы на этом основании избежать личной уголовной ответственности за нарушение законов США. Речь идет, например, об ответственности за действия, которые были призваны воспрепятствовать противоречащей международному праву военной деятельности: блокирование дорог, по которым перевозились военные грузы, а также военных баз и иные аналогичные действия. В подобных случаях обвиняемые граждане защищали себя ссылками на то, что они сопротивлялись незаконной с точки зрения международного права политике своей администрации.

Ко второму виду относятся дела о возмещении ущерба, причиненного за рубежом иностранцам или гражданам США в результате действий американской администрации, нарушивших международное право. В качестве примера можно указать на дело, возбужденное родственниками лиц, добровольно работавших на сандинистское правительство в Никарагуа и расстрелянных контрас. Дело было возбуждено в отношении нескольких руководителей контрас, проживавших в штате Флорида. Администрация США обвинялась в поощрении убийств в зоне военных действий.

Суды в целом отнеслись негативно к попыткам оправдать нарушение законов страны ссылками на международную противоправность действий администрации. Они заняли позицию, согласно которой гражданин США не вправе ставить вопрос о международной правомерности применения его государством силы за рубежом, а также не может ссылаться на международные договорные обязательства в качестве защиты от уголовной ответственности.

В качестве основания для отказа в таких исках суды зачастую ссылались на доктрину политического вопроса. В деле "Люфтиг против Макнамары" рядовой требовал вынесения судом решения, запрещающего министру обороны посылать его во Вьетнам⁴. Суд отклонил иск, сославшись на то, что истец поставил "явно политический вопрос, который находится вне компетенции суда".

Применение при рассмотрении таких дел доктрины политического вопроса встречает критическое отношение юристов-международников. Профессор Р. Лиллих пишет, что "хотя профессиональное мнение в Соединенных Штатах все еще в пользу доктрины политического вопроса в делах о войне во Вьетнаме, но растущее число юристов-международников согласны с Фолком, что доктрину следует отвергнуть или, по крайней мере, пересмотреть, с тем чтобы дать возможность вопросам политики исполнительной власти предстать перед судами, рассматривая это как часть более широких усилий по обеспечению эффективного воздействия права на политику правительства в вопросах войны и мира"⁵.

Аргументация судей и администрации по другим основаниям состояла в том, что суверенитету государства присуще наделение исполнительной власти свободой усмотрения в области внешней политики, особенно в вопросах войны и мира. Оценка судами внешнеполитических действий государства означала бы нарушение его суверенитета, и потому этого следует избегать. При этом суды ссылались на известное решение Верховного суда США по делу Куртис — Райта (1936 г.) и более поздние судебные решения, не входя в рассмотрение вопроса по существу⁶.

Суды не приняли во внимание, что с 1936 года произошли серь-

езные изменения в ситуации с суверенным правом на войну, которое предельно ограничено прежде всего Уставом ООН. Кроме того, суверенитет, в том числе и в области внешних сношений, принадлежит не исполнительной власти, а государству в целом. Поэтому любой орган государственной власти осуществляет его в пределах своей компетенции. Суверенитет не может служить оправданием нарушений международного права ни исполнительной, ни законодательной, ни судебной властями.

Несмотря на то что обсуждаемые иски были отклонены и суды отказались рассматривать их международно-правовые аспекты, уже сам факт принятия их к рассмотрению знаменовал определенный сдвиг в позиции судов. Более того, апелляционный суд шестого округа признал: "Существуют достаточно авторитетные основания считать, что при определенных условиях член вооруженных сил, который направляется для выполнения боевых заданий во Вьетнам, должен обладать правом ставить вопрос о квалификации судами международных договорных обязательств, принятых на основе Конституции". Трудность, по мнению суда, состоит в нерешенности вопроса о том, каковы эти условия⁷.

В основу аргументации истцов была положена идея о том, что, согласно конституции, граждане обладают правом на законную внешнюю политику, осуществляемую в соответствии не только с внутренним, но и с международным правом. Поэтому внешнеполитическая сфера не может быть целиком изъята из компетенции судов⁸.

Адвокат Херд, представлявший участника движения против ядерного оружия при рассмотрении его уголовного дела судом округа Колумбия в 1987 году, выдвинул следующие элементы защиты: 1) США планируют ядерную войну и готовятся к ней, нарушают международное право и конкретные договоры; 2) граждане страны имеют право пытаться воспрепятствовать нарушению международного права их правительством; 3) международное право является частью права страны; 4) граждане совершенно обоснованно и законно, действуя в соответствии с международным правом, могут нарушать внутренние законы или постановления, которые несовместимы с ним, поскольку последнее выше внутреннего права.

Рассказывая об этом деле на собрании Американского общества международного права, адвокат Херд говорил, что, несмотря на признание ответчика виновным, "мы верим, что благодаря судебному процессу у нас имелась возможность, используя защиту, конкретно показать на процессе, во имя чего эти люди шли на риск получить приговор и уголовное наказание, а именно во имя подтверждения незаконности ядерной политики США в свете прочно утвердив-

шихся международных норм и договоров. Это совершенно новая защита"⁹.

Сказанное ранее свидетельствует о зарождении в США доктрины законного гражданского неповиновения или сопротивления действиям правительства, нарушающим нормы международного права. Приведенные в ее обоснование аргументы усиливаются ссылками на нюрнбергские принципы, на нюрнбергское обязательство. Утверждается, что со времени Нюрнбергского процесса граждане обязаны поддерживать международное право в период войны и мира, предпринимая необходимые действия, даже если они нарушают национальное право.

Члены антиядерной группы проникли на завод военного подрядчика правительства, нанесли удары по расположенным там пусковым установкам для ядерных ракет и окропили их кровью. Против них было возбуждено дело по обвинению в заговоре и причинении вреда собственности армии США. В ходе судебного процесса подсудимые ссылались на то, что нарушение ими внутреннего права оправдано необходимостью и основано на международном праве. Суд признал, что в соответствии с Нюрнбергским процессом "международное право как таковое обязывает каждого гражданина", и согласился с тем, что в подходящем случае международное право могло бы оправдать нарушение не совместимого с ним внутреннего права. Однако положение подсудимых иное. По мнению Нюрнбергского трибунала, германское право предписывало гражданам нарушать международное право, поэтому они не были обязаны подчиняться внутреннему праву. В рассматриваемом же случае подсудимые не обязывались внутренним правом "делать что-либо, что могло бы даже потенциально рассматриваться как преступное деяние по международному праву". Поэтому, по мнению суда, нюрнбергские принципы на них не распространяются.

Суд счел, что даже если признать ядерную политику США противоречащей международному праву, то в данном деле подсудимые не могут нести ответственность за это нарушение по международному праву, так как они не контролировали политику США¹⁰. При этом суд не учел, что в Нюрнбергском процессе над германскими судьями было установлено, что некоторые из них нарушали международное право, насильственно проводя в жизнь противоправную политику, над которой они не имели контроля.

Аналогичные рассмотренным дела известны и в судебной практике других стран, хотя и не в таком количестве, как в США. В 1986 году голландский Фонд за запрещение крылатых ракет начал в районном суде Гааги процесс против правительства Голландии, в ходе которого рассматривалась законность соглашения 1985 года

с США о размещении крылатых ракет на голландской территории. Истец обвинял правительство в том, что, заключив соглашение в форме международного договора, оно пытается избежать возможного пересмотра законности его действий в суде, поскольку, согласно Конституции страны, конституционность "договоров не будет рассматриваться в судах" (ст. 120). По мнению истца, приведенное положение Конституции не означает, что договоры не могут оцениваться в свете общих принципов права, включая принципы прав человека и международного гуманитарного права вооруженных конфликтов, которые неизбежно будут нарушены в результате размещения крылатых ракет. Иными словами, суд не может рассматривать вопрос о конституционности международных договоров, но он вправе оценивать их правомерность в свете общепризнанных принципов и норм международного права.

Этот вывод подтверждается и дальнейшей аргументацией истца, который настаивал на том, что двусторонний договор, носящий характер контракта, может быть пересмотрен в свете многосторонних правотворческих договоров, создающих права для индивидов. Указывалось также на то, что соглашение о крылатых ракетах следует объявить недействительным, поскольку оно противоречит императивным нормам международного права. Представляется, однако, что подобные действия едва ли могут входить в юрисдикцию суда. Максимум, на что суд может иметь право, — это отказ применить в конкретном деле договор, противоречащий, по его мнению, международному праву.

Аргументы правительства сводились к следующему: а) все международные договоры обладают равной силой и один не может пересматриваться в свете другого; б) суд не является подходящим органом для объявления ничтожным договора, противоречащего императивным нормам международного права. Аргументация правительства представляется достаточно обоснованной.

В своем решении суд отверг аргументацию истца без рассмотрения ее по существу и заявил, что "в голландской конституционной системе суды не подвергают ревизии международные договоры". Это положение, по мнению суда, соответствует и международному праву, в соответствии с которым национальные суды не являются теми органами, которые способны решать вопрос о действительности договора в целом или частично. Суд счел себя некомпетентным решать данное дело¹¹.

Позиция суда нашла поддержку у голландских юристов-международников. Профессор Х. Шермерс пришел к заключению о том, что в Европе принято, что "судьи не должны принимать такого рода политические решения". Если внешняя политика противоречит

международному праву, то может и должен действовать парламент. "Ни практически, ни теоретически нет нужды в судебном контроле"¹². Соглашаясь, в принципе, с этим мнением, тем не менее отметим, что оно слишком категорично, поскольку настаивает на полном устранении суда от решения дел, связанных с внешней политикой. Иными словами, речь идет о доктрине политического вопроса, которая в целом отвергается голландскими юристами.

Представляет интерес состоявшийся в Израиле судебный процесс над израильским гражданином М. Вануну, раскрывшим факт создания ядерного оружия в своей стране¹³. Адвокат А. Фельдман выдвинул в защиту Вануну аргумент, состоящий в том, что правительство не вправе принудительно осуществлять политику, которая считается противоправной либо, по крайней мере, сомнительной с точки зрения права. Контраргументация суда состояла в том, что обладание ядерным оружием не противоречит международному праву, поскольку такие цивилизованные страны, как США, Великобритания и Франция, обладают этим оружием, являясь главными действующими лицами в международно-правовой системе.

Таким образом, как правило, суды негативно относятся к призывам оценить внешнеполитические действия своего правительства с точки зрения международного права. Однако уже сам факт проведения соответствующих процессов является позитивным, поскольку внимание общественности привлекается к соответствующим вопросам, и правительства не могут с этим не считаться.

Как уже отмечалось, определенные изменения происходят и в позиции суда, что было проиллюстрировано на примере судебной практики США. Это подтверждается и судебной практикой некоторых европейских стран. Можно сослаться на практику той же Голландии, суды которой считают себя вправе рассматривать связанные с международным правом дела в том случае, если внешнеполитическая акция правительства ущемляет права индивида либо в каком-либо ином отношении незаконна в отношении определенного лица¹⁴.

Практика показывает, что число дел, по которым суд сталкивается с необходимостью вынести решение по тем или иным аспектам международных договоров, растет. В качестве примера можно указать на дело, возбужденное в японском суде 24 текстильными компаниями страны, потребовавшими рассмотреть законность заключенного в 1971 году соглашения с США об ограничении экспорта японского текстиля¹⁵. Однако случаи, когда суд принимает решение по существу международно-правового вопроса, встречаются весьма редко и носят характер политической акции. Так, Верховный суд Республики Белау принял в 1986 году решение признать недействительным соглашение о свободной ассоциации с США, которое на все-

народном референдуме не получило необходимого большинства голосов¹⁶.

Необходимо подчеркнуть, что не только в практике судов, но и в позиции правительств в рассматриваемом вопросе наблюдаются определенные сдвиги. Одним из свидетельств тому может служить заявление государственного департамента США от 18 февраля 1984 г. относительно имплементации соглашений о заложниках — американских гражданах в Иране. В заявлении, в частности, говорилось: "Заключение соглашений было правомерным использованием президентом своей власти. Эта власть может быть оспорена в наших судах, и исполнительная власть подчинится решению нашей судебной системы"¹⁷.

Говоря о взаимодействии суда, личности и общественности, нельзя не коснуться и вопроса о роли юристов. В силу их профессиональных знаний и положения в обществе на них ложится особая морально-политическая ответственность за просвещение широких слоев населения, за распространение международно-правовых знаний, за развитие правового сознания. Уже говорилось о том, что юристы немало сделали в этой сфере. Заметим, что есть и другая сторона, состоящая в том, что юристы включаются в активную борьбу против нарушений международного права государством.

Так, в мае 1970 года тысяча юристов из Нью-Йорка, представлявших многие крупные фирмы, выехали в Вашингтон для встречи с администрацией и предъявления требования о немедленном выводе американских войск с Индокитайского полуострова¹⁸. В июне 1970 года в прессе было опубликовано обращение "Комитета действий юристов за прекращение войны", под которым поставили подписи более 600 юристов Чикаго и близлежащих городов¹⁹.

Американские юристы сыграли большую роль в раскрытии необоснованности международно-правовых аргументов, при помощи которых администрация пыталась доказать законность войны против Вьетнама. С этой целью были созданы общественные организации юристов, проявивших значительную активность. Одна из них — Американский комитет юристов по изучению политики США во Вьетнаме, состоявший в основном из ученых. Им был подготовлен обстоятельный меморандум, в котором была доказана несостоятельность международно-правовой аргументации администрации и показана международная и конституционная противоправность военных действий против Вьетнама²⁰.

Примечательна растущая активность молодежи, студентов юридических факультетов. В мае 1971 года в Нью-Йорке состоялась антивоенная демонстрация, в которой приняли участие свыше 2 тыс. юристов и студентов юридических факультетов²¹.

Война во Вьетнаме вызвала особую активность юристов, но было бы неправильно полагать, будто после окончания войны она прекратилась. Юристы продолжают выступать против международно-противоправных действий администрации. В апреле 1973 года А. Биккел (юридический факультет Йельского университета), Р. Берджер (юридический факультет Гарвардского университета) и Н. Катценбах (бывший министр юстиции), выступая перед комиссией сената по иностранным делам, заявили о незаконности решения президента о бомбардировках в Камбодже.

В конце 1985 года Американская ассоциация юристов подготовила доклад "В поисках эффективного ограничения вооружений: рекомендации, история и анализ". Помимо всего прочего, в докладе было доказано, что стратегическая оборонная инициатива несовместима с договором об ограничении систем ПРО 1972 года и в случае ее осуществления подрвет этот договор²².

Ранее уже отмечалась роль юристов-ученых в общественных движениях протеста против нарушений международного права правительством США. Однако этим их роль не ограничивается. Особую ценность представляет доступный только им научный анализ внешней политики своей страны, который закономерно носит критический характер. Представители доктрины высказали мнение, что США не пользуются авторитетом государства, уважающего право или беспристрастно принуждающего к его соблюдению²³. Пишут о том, что сегодня США являются диктатором права²⁴. В качестве одного из примеров обстоятельного анализа отношения США к международному праву можно указать на коллективный труд юристов "Право против силы"²⁵, изданный в 1989 году.

Немало литературы, содержащей критический анализ политики США, опубликовано и учеными-юристами других стран. Пишут о миссионерском характере правосознания американских руководителей²⁶. Известный британский юрист Ян Броунли считает, что страны НАТО благосклонно относятся к правам человека и самоопределению главным образом тогда, когда речь не идет об их сферах влияния²⁷. Такая критика не ограничивается специальной литературой, она проникает и в массовую печать²⁸.

Особую активность ученые проявляют в периоды внешнеполитических кризисов. И опять-таки период войны во Вьетнаме может служить наглядным тому примером. Было издано большое количество литературы, доказывающей противоправность действий американской администрации: иллюстрацией может служить, например, капитальный труд коллектива юристов под редакцией профессора Р. Фолка "Вьетнамская война и международное право"²⁹. Немало было написано и о других неправомерных действиях США, например

о вторжениях в Гренаду и Панаму, о поддержке контраст в Никарагуа и др.

Ученые не ограничиваются критическим анализом внешней политики. Они выдвигают конструктивные предложения по ее совершенствованию в духе уважения к международному праву. Приведу выдержку из книги американского профессора Ф. Бойла "Мировая политика и международное право" (1985 г.). Автор доказывает, что "приверженность нормам международного права отвечает интересам американской национальной безопасности, понимаемым как расширительно в смысле упрочения мирового общественного порядка, так и ограничительно в смысле достижения эгоистических политических целей". Ф. Бойл подчеркивает, что юристы-международники "должны организовать и стать в авангарде борьбы против имеющего ныне место господства в американском внешнеполитическом истеблишменте приверженцев макиавеллизма. Они должны восстановить Устав ООН, а также основные принципы международного права... на соответствующем месте в качестве главной основы осуществления американской внешней политики"³⁰.

Активность юристов-международников показана на примере США. Объясняется это тем, что здесь она особенно высока; кроме того, опубликовано много относящихся к ней материалов. В других странах, включая и нашу, уровень активности юристов-международников, к сожалению, не столь значителен. Причины тому разные. Тем не менее в некоторых странах подобные инициативы имеют место. Из европейских стран наиболее показательна в этом плане, пожалуй, Голландия. Достаточно вспомнить возглавленную юристами широкую и многоплановую борьбу против осуществления соглашения с США о размещении на территории страны крылатых ракет. Они опубликовали ряд документов о нарушении этим соглашением международного права и конституции страны. Был организован в этих целях общественный трибунал, который вынес решение о противоправности упомянутого соглашения и т.д.³¹

Естественно возникает вопрос о реальном значении общественной активности юристов-международников. О том, что она оказывает влияние на общественное мнение, свидетельствует реакция на нее представителей правительства. Так, на 84-м ежегодном собрании Американского общества международного права критика деятельности администрации заняла много времени. Констатируя этот факт, юридический советник госдепартамента А. Софаер заявил: "Публичное обсуждение не только уместно, но является здоровым и полезным. Но... публично выражаемое несогласие относительно законности применения силы является настолько крайним и неумеренным, что общественность вынуждена ощущать, что международ-

ное право является чисто субъективным и политическим, не вносит полезного вклада в поиски мира..."³².

Представляется, однако, что публичная критика противоправных действий правительства не дезориентирует, а просвещает широкие круги населения относительно должного понимания международного права. В результате усиливается влияние общественности на политику в духе уважения международного права. Уже тот факт, что подобная критика затрудняет правительству совершение противоправных действий, имеет немаловажное значение.

Подтверждение сказанному можно найти во мнении бывшего Генерального секретаря ООН Переса де Куэльяра, который говорил, что "ученые или журналисты, специализирующиеся в области международных исследований, безусловно, могут оказать воздействие на широту понимания этих проблем общественностью. Если они не уходят от своих обязанностей и не идут по легкому пути, молчаливо соглашаясь с существующим мнением, они могут представить на суд общественности свои обдуманые выводы, благодаря которым правительствам будет значительно легче увидеть дальше своих сиюминутных интересов, скованных узкими национальными рамками"³³.

Приведенные факты свидетельствуют о развитии весьма важного процесса проникновения в правосознание людей идеи единства внутренней и международной законности, которая отражает углубляющееся единство человечества и его судеб. Идет этот процесс медленно, но все же идет. Степень его развития в той или иной стране — существенный показатель уровня ее политического и правового сознания, культуры. Этот процесс будет оказывать все большее влияние на деятельность государства, его отдельных органов, включая судебные. Успех этого важного дела во многом зависит от степени развития науки международного права в стране, а также от общественной активности ее представителей.

Ученый-юрист располагает мощным оружием профессиональных знаний в сложной и важной сфере жизни человеческого общества. Это дает ему возможность воздействия на эту жизнь. Поэтому он обязан с полной ответственностью относиться к своей исследовательской деятельности, учитывать практические последствия своих теорий, а также добиваться их проведения в жизнь. Каждое государство и мировое сообщество в целом объективно заинтересованы в использовании потенциала, находящегося в распоряжении юристов-международников. Они должны шире привлекаться к деятельности не только органов внешних сношений, но и других органов государства, поскольку международное право все глубже проникает в их деятельность. Суды не являются в этом смысле исключением.

В новых условиях большое значение приобретает международное сотрудничество юристов, которое способно существенно увеличить их влияние на государства в целях обеспечения уважения как внутреннего, так и международного права. Было бы, однако, неправильно полагать, будто все зависит от самих ученых. Успешно осуществлять свои социальные функции ученые могут лишь при том условии, что само общество и государство создают необходимые для этого предпосылки. К сожалению, пока общественный статус не только юристов-международников, но и ученых в целом оставляет желать лучшего. Чтобы изменить существующее положение, необходимы значительные перемены не только на национальном, но и на интернациональном уровне. Кроме того, современное общество пока не готово с достаточной полнотой использовать достижения науки международного права, возможно, даже еще в большей степени, чем результаты многих других отраслей знания. Нельзя в этой связи не вспомнить слова Дж. Бернала, который писал: "Возможности, предоставляемые наукой, могут быть реализованы только путем создания по-новому построенной и единой политической и экономической системы в мировом масштабе"³⁴. В этой связи заметим, что создание такой системы невозможно без коренного усовершенствования международного права, что потребует активного участия юристов.

Из сказанного ранее следует, что рост роли общественности в обеспечении уважения к международному праву представляет собой общую тенденцию. В этих целях она начинает использовать и такой институт, как суд, который рассматривается как орган, который в рамках своей компетенции должен служить делу контроля за соблюдением исполнительной властью норм международного права. Все это представляет собой новые моменты в развитии национальных правовых систем, а также средств осуществления норм международного права.

Участник антиядерного движения в Канаде адвокат Д. Райт подчеркивает: "Я считаю, что забота граждан о международном праве и их вера в него были и остаются основной движущей силой этих инициатив (речь идет об антиядерных судебных процессах в Канаде. — И.Л.)". По мнению Д. Райта, эти процессы могут "представлять развитие, которое дает миру новый путь применения международного права, а именно через индивидуальные инициативы"³⁵.

В связанных с войной во Вьетнаме судебных процессах практически впервые был поставлен вопрос об использовании гражданами и их объединениями судебной процедуры в случаях, когда действия правительства, по их мнению, нарушали международное

право. Правда, попытки такого рода отклонялись судами. Напомним, что вопрос о законности войны во Вьетнаме свыше 70 раз ставился перед судами США, но ни разу Верховный суд не дал им хода³⁶. И дело здесь не только в статусе международного права, поскольку в большинстве случаев речь шла о законности и с точки зрения Конституции страны.

Несмотря на негативную позицию судов, ученые не без оснований считают, что соответствующие судебные дела свидетельствуют о той важной роли, которую национальные суды станут играть в не слишком отдаленном будущем³⁷. Уже сегодня такого рода судебные дела способны играть важную роль в развитии международно-правового сознания и в мобилизации общественности в защиту международной законности.

Обнаруживаются первые признаки своеобразной денационализации судов. Расширяется международный кругозор судей, которые начинают осознать себя ответственными за применение норм международного права. Порою они более широко подходят к правовой оценке внешнеполитических акций своего правительства и их последствий для прав физических и юридических лиц.

Мировой судебной практике известно немало случаев, когда суды признавали обоснованность частных исков, связанных с международным правом. Вынесено немало приговоров за нарушение международно-правовых норм, и прежде всего норм международного гуманитарного права. Значительно реже встречаются дела, которые инициировались частными лицами и были связаны с нарушениями международного права собственным правительством. Тем не менее количество и таких дел постепенно растет.

Назрела необходимость установить ответственность за нарушения международного права официальными должностными лицами, которые в таких случаях не должны пользоваться иммунитетом. Эта мысль уже высказывалась в международно-правовой литературе. Так, профессор университета в Хьюстоне (США) Дж. Пост пишет, что "когда нарушено международное право, то даже те, кто действовал от имени государства, не должны иметь права на иммунитет"³⁸. В свете сказанного нельзя не признать целесообразным включение в национальное законодательство норм об административной и уголовной ответственности должностных лиц за действия, означающие нарушение государством своих обязательств по международному праву. Принятие такого рода норм откроет перед судами новое поле деятельности, связанной с осуществлением норм международного права и обеспечением международной законности.

Для роста роли судов и общественности в осуществлении норм международного права сложились благоприятные международные условия, отсутствие которых в прошлом было одним из главных препятствий на пути демократизации государств, обеспечения в них прав человека. Касаясь этого вопроса, профессор Колумбий-

ского университета Л. Дамрош пишет, что в годы "холодной войны" США и СССР по различным соображениям не воспринимали идею "прямого применения национальными судами комплекса норм международного права, которые регулируют отношения между человеческими существами и их собственными правительствами. С наступлением эры, начавшейся после прекращения "холодной войны", настало время спросить, готовы ли наконец бывшие соперники — оба и каждый из них — к полной имплементации международного права прав человека в своих национальных судах"³⁹.

Россия, в принципе, дает положительный ответ на этот вопрос. В 1992 году в Конституцию РФ включено положение, согласно которому "общепризнанные международные нормы, относящиеся к правам человека, имеют преимущество перед законами Российской Федерации и непосредственно порождают права и обязанности граждан Российской Федерации" (ст. 32). Отметим, что речь должна идти не только о гражданах Российской Федерации, но о людях вообще. Международные нормы определяют права человека независимо от его гражданства. Конституция РФ также установила, что "права и свободы человека принадлежат ему от рождения", и, кроме того, Конституция предоставила лицам, не являющимся гражданами РФ, национальный режим (ст. 37).

Поскольку международные нормы о правах человека признаются непосредственно действующими в правовой системе России, то они подлежат прямому применению и судами. В случае расхождения с внутренним нормативным актом суд обязан применить международные нормы. Все это вносит серьезные изменения в роль судов в обеспечении международных стандартов прав человека. Однако от конституционного закрепления правила до его реализации в судебной практике предстоит пройти немалый путь.

Для достижения на этом пути реальных результатов необходимы существенные перемены в правовой системе в целом. Между тем международно-правовой уровень законодательства в России (впрочем, как и во многих других странах) пока оставляет желать лучшего. Одна из причин тому — недостаточное внимание к международному праву, недооценка его значения, в том числе и для функционирования современной национальной правовой системы. Этот момент проявляется и в подготовке юристов, которые не получают необходимых профессиональных знаний в области международного права, слабо представляют себе его связь с национальным правом, специфику такой связи с отдельными отраслями права, с правовыми институтами и учреждениями. Не имеют базовых знаний в этой области журналисты, что отражается на деятельности средств массовой информации, имеющей первостепенное значение для развития массового правового сознания и правовой культуры.

Юристы должны использовать связанные с нарушением международного права судебные процессы и их освещение в средствах

массовой информации для повышения уровня правосознания населения, его осведомленности в международно-правовых вопросах. Представляется, в частности, целесообразным организовать издание приложения к "Московскому журналу международного права" в виде серии популярных брошюр "Международное право для всех". В них в общедоступной форме освещались бы основные институты международного права и отдельные, наиболее актуальные проблемы, что содействовало бы просвещению и активизации широких слоев населения.

Эта задача становится все более актуальной. Без достаточно широкой общественной поддержки сегодня уже невозможно добиться всеобщего уважения международного права. Не случайно поэтому значение преподавания международного права и распространения международно-правовых знаний регулярно подчеркивается Генеральной Ассамблеей ООН в специально посвященных этому резолюциях⁴⁰. Этой проблеме посвящен и один из основных разделов Программы деятельности ООН в течение Десятилетия международного права⁴¹.

---

¹ Lillich R. The Proper Role of Domestic Courts in the International Legal Order//Virginia Journal of International Law (JIL). — 1970. — Vol. 11. — No 1. — P. 50.

² Leiden JIL. — 1990. — Vol. 34. — No 3. — P. 79.

³ Особенно выделяются в этом плане работы профессора Принстонского университета Р. Фолка, на них я еще не раз сошлюсь в ходе дальнейшего изложения.

⁴ Federal Supplement (D.D.C.) — 1966. — Vol. 252. — No 819.

⁵ Lillich R. Op. cit. — P. 43—44.

⁶ United States v. Curtis-Wright Export Corp.//United States Reports. — 1936. — Vol. 299. — No 304.

⁷ United States v. Ovens//Federal Reporter. 2d (6th Cir.) — 1969. — Vol. 415. — No 1316.

⁸ См. Falk R. Revitalizing International Law. — Ames, 1988. — P. 212.

⁹ Proceedings of the 82nd Annual Meeting of the American Society of International Law (ASIL). — Wash. (D.C.), 1988. — P. 557—558.

¹⁰ United States v. Montgomery. U.S. Court of Appeals (11th Cir) Sept. 27. 1985//American JIL. — 1986. — Vol. 80. — No 2. — P. 346.

¹¹ Netherlands Yearbook of International Law (далее — NYIL). — 1987. — Vol. 18. — The Hague, 1987. — P. 148—155.

¹² Schermers H. The Role of Domestic Courts in Effectuating International Law//Leiden JIL. — 1990. — Vol. 3. — No 3. — P. 77.

¹³ Sunday Times. — 1986. — Oct. 5.

¹⁴ В определении суда Гааги от 1 мая 1984 г. говорилось: "Государство свободно определять свою внешнюю политику. Если, например, государство обменивается дипломатическими нотами с другим государством в связи с требованием о выдаче, то это не касается судов, если только при этом нота не ущемляет права, например, выдаваемого лица либо нота в каком-либо ином отношении незаконна в отношении выдаваемого лица" (NYIL. — 1986. — Vol.

17. — The Hague, 1986. — P.268). См. также решение Государственного совета Голландии от 24 ноября 1986 г. по делу M.K. v. State Secretary for Justice (NYIL. — 1988. — Vol. 19. — The Hague, 1989. — P. 439).

¹⁵ Правда. — 1972. — 17 мая.

¹⁶ За рубежом. — 1986. — № 40. — С. 5.

¹⁷ DSB. — 1981. — Vol. 81. — No 2048. — P. 17.

¹⁸ Правда. — 1970. — 17 мая.

¹⁹ Правда. — 1970. — 20 июня.

²⁰ Правда. — 1965. — 30 нояб.

²¹ Правда. — 1971. — 3 мая.

²² Правда. — 1985. — 14 дек.

²³ Doxey M. International Sanctions in Recent State Practice: Trends and Problems//Contemporary Problems of International Law. — L., 1988. — P. 69.

²⁴ D'Amato A. Jurisprudence: A Descriptive and Normative Analysis of Law. — Dordrecht, 1984. — P.1.

²⁵ Henkin L., Hoffmann S., Kirkpatrick J. and Gerson A., Rogers W., Scheffer D. Right v. Might. International Law and the Use of Force. — N.Y., 1989.

²⁶ Krakau K. Missionsbewusstsein und Völkerrechtsdoktrin in den Vereinigten Staaten von Amerika. — Frankfurt am Main, 1967. — 580 S.

²⁷ Brownlie I. The Relation of Law and Power//Contemporary Problems of International Law. — L., 1988. — P. 22.

²⁸ См. например, Kinsley M. International Law: Only When It Suits US?// Washington Post. — 1990. — Sept. 13.

²⁹ The Vietnam War and International Law/Ed. by R. Falk. — Princeton, 1968. — P. 633; см. также Fried J. Vietnam and International Law. — New Jersey, 1967; Gruening E., Beaser H. Vietnam Folly. — Wash. (D.C.), 1968.

³⁰ Boyle F. World Politics and International Law. — Durham, 1985. — P. 174, 295.

³¹ Московская правда. — 1985. — 11 окт.

³² Proceedings of the 84th Annual Meeting of the A.S.I.L. — Wash., 1990. — P. 182–183.

³³ Кузьяр Х.П. де. Послания и заявления, посвященные Международному году мира ООН. — Нью-Йорк, 1987. — С. 28.

³⁴ Цит. по: Научно-техническая революция и социализм. — М., 1973. — С. 266.

³⁵ Proceedings of the 84th Annual Meeting of A.S.I.L. — Wash. (D.C.), 1990. — P. 182.

³⁶ Mann F. Foreign Affairs in English Courts. — Oxford, 1986. — P. 66.

³⁷ Falk R. Implementing International Law. — The Role of Domestic Courts// Leiden JIL. — 1990. — Vol. 3. — No 3.

³⁸ Paust J. On Human Rights//Michigan JIL. — 1989. — Vol.10. — No 2. — P. 634.

³⁹ Damrosch L. F. International Human Rights Law in Soviet and American Courts//The Yale Law Journal. — 1991. — Vol. 100. — No 8. — P. 2315.

⁴⁰ См., например, резолюцию от 7 декабря 1987 г. № 42/148 "Программа Организации Объединенных Наций по оказанию помощи в преподавании, изучении, распространении и более широком понимании международного права"// Resolutions and Decisions adopted by the General Assembly during its Forty-Second Session. — Vol. 1. — N.Y., 1988. — P. 290.

⁴¹ Приложение I к резолюции Генеральной Ассамблеи от 10 января 1991 г. № 45/40 "Десятилетие международного права Организации Объединенных Наций".